

Старая Ялта. Набережная. Фото конца XIX – начала XX вв. с сайта <http://allcrimea.net/>

УДК [130.2:114:304](470+477)

Сараф М.Я.

Крым: уроки сохранения национального культурного пространства

Сараф Михаил Яковлевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет культуры и искусств
E-mail: ssaraf@yandex.ru

В статье рассматривается культурное пространство Крыма как органическая часть национального культурного пространства России и особенности процесса интеграции в условиях острых и противоборствующих его оценок. Автор выявляет основные линии разломов в общенациональном культурном пространстве России, образовавшиеся в связи с отделением Украины, и обсуждает вопрос о возможности культурного сотрудничества России и Украины в будущем.

Ключевые слова: национальное культурное пространство, целостность культурного пространства, безопасность культурного пространства, разлом культурного пространства, Крым, Россия, Украина, украинство.

Острота нынешней геополитической ситуации в мире и резко усилившиеся социально-экономические и цивилизационные противоречия и противостояния придают особую практическую актуальность вопросам состояния и динамики культуры современного общества в целом и отечественной в особенности.

Не имея в виду давать какой-либо оценки политическим и гражданским позициям либералов или консерваторов, «голубей» или «ястребов», нельзя все же не выразить некоторого недоумения относительно часто звучащих с их стороны слов о «захватах» и «аннексиях». Можно быть каким угодно критиком власти и даже ее противником, можно искать идеологических союзников в каких угодно близких или далеких пределах, но никак нельзя разрушать или способствовать разрушению того, что является необходимым условием для граждан страны быть нацией, а населению народом, а именно, исторически сложившейся целостности национального культурного пространства.

Передача Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 г., конечно, была ошибкой, но ошибкой административного решения. Даже в административном отношении не так уж трудно было предвидеть и просчитать ее негативные последствия для хозяйственных и социокультурных структур Крыма, но эйфория празднования трехсотлетия воссоединения России и Украины и, может быть, пьянящее ощущение свободы от грозной воли «хозяина» не поставило эту задачу в повестку тогдашнего дня.

Однако в отношении общей направленности культурного и цивилизационного развития единой страны это решение в принципе ничего не меняло, поскольку СССР представлял собой страну с общими для всего ее населения целями и ценностями, с единой системой воспитания и образования, сплоченную единым политическим руководством, только что вышедшую победителем из страшной войны и уверенную в своей возможности преодолеть любые трудности. Стоит заметить, что методологическая ошибка прямолинейных экстраполяций нынешних состояний и процессов на ближайшее, и даже на отдаленное будущее, весьма характерна для политического и социального мышления.

Несколько десятилетий социалистического развития, при всех его известных и ужасных издержках, создали в СССР действительно единое национальное культурное пространство. Обладало ли таковым Российская империя? Полагаю, что нет. Фундаментальными структурными элементом системы культуры являются язык и нравственность. Забегая вперед, заметим, что именно сюда забиваются разрушающие культурное пространство клинья¹. Функции названных элементов являются определяющими в укладе, или в образе жизни, в существующих системах воспитания и образования, в социальных коммуникациях, в соотношении общества и власти, вообще в процессах формирования и осуществления жизнеобразующих смыслов и деятельности.

Значительная часть населения к началу прошлого века не владела никаким иным языком, кроме своего национального. Громадная часть населения была едва ли совершенно неграмотным. Для большинства населения жизненное и культурное пространство ограничивалось местностью рождения. Доминировали слабозаимодействующие между собой этнонациональные, этноконфессиональные и региональные типы культуры. Существовали параллельно светская и конфессиональная образовательные системы, причем они даже не конкурировали, поскольку имели совершенно разные цели, принципы и практики. Не существовало общенационального общественного сознания и консолидирующей национальной идеи и, соответственно этому, общих критериев гражданской национальной идентификации.

Однако можно сказать, что были созданы важные предпосылки единого культурного пространства народов империи, можно даже утверждать, что оно начало складываться. Какие аргументы можно привести в поддержку такого утверждения? Во-первых, государственный статус русского языка не только открывал, но и осуществлял перспективы формирования языка межнационального общения и общего языка культуры². Во-вторых, капиталистическое развитие России обусловило формирование необходимой для общего национального культурного пространства инфраструктуры, прежде всего транспортной³, и связанные с этим активизацией межрегиональных и межнациональных взаимодействий. В-третьих, формирование единой системы обязательного начального светского образования и расширения сети специального и высшего образования. В-четвертых, появление особой растущей наиболее социально активной группы интеллигенции профессионально занятой производством духовных ценностей (научно-технических, социально-политических и художественных идей). Созданные ею литература, искусство и наука составили основы общенационального культурного пространства. Но динамика этого процесса была весьма медленна и ограничена⁴.

За время советского периода отечественной истории на заложенной в конце XIX – начале XX вв. основе сложилось и укрепилось общенациональное пространство как целостное, системное, самовоспроизводящееся образование с общим языком культуры (русским и государственными языками национальных республик), с общими принципами нравственных ценностей и ценностных ориентаций, среди которых определяющими были принципы уважения к труду и к человеку труда и принципы интернационального сотрудничества, с общей правовой системой и правосознанием, с признанием общей перспективы социально-культурного прогресса, то есть с наличием национальной идеи. Поэтому с полным основанием отечественное обществоведение говорило о возникновении новой исторической общности – о советском народе.

Анализ причин распада СССР не является задачей данной работы, скажем только, что не последнюю роль в этом процессе сыграли центробежные силы, олицетворенные управленческим аппаратом, ставшим самостоятельной социальной группой, интерес которой был осознан как возможность юридического обращения в собственность тех общенациональных ресурсов, которыми она управляла, фактически владела. Это означало раздел этих ресурсов и жесткую борьбу за них, что автоматически влекло за собой раздел и распад общего территориального, а значит и политического пространства. Естественно, претендующие на самостоятельность новые субъекты нуждались в прикрытии, оправдании и защите своих интересов⁵. Для этого нет более эффективного средства, чем интенсивное воздействие на общественное сознание, прежде всего, на общественную психологию с целью разрушения прежних его

¹ Диалог культур и проблемы обеспечения национальной безопасности России. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2007. С. 40. См. также: Чельшев Е.П. А как не наше слово отзовется? // *Пространство и Время*. 2011. № 4(6). С. 134–137; Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2007.

² О государственной поддержке статуса русского языка в Российской империи см., напр.: РГИА. Ф. 1149 (Фонд Департамента законов Государственного Совета). Оп. 2. Д. 57: О введении русского языка в судах губерний литовских, белорусских и всей бывшей польской Украины. 1830 г. 65 л.; Оп. 9. Д. 27: О введении русского языка в делопроизводство присутствий по воинской повинности Прибалтийских губерний. 1882 г. 84 л.; Ф. 1162 (Фонд Государственной канцелярии Государственного Совета). Оп. 1. Д. 8: Отделение государственной экономии о сравнении учителей русского языка, в уездных училищах Дерптского учебного округа, в окладах содержания с учителями науки в тех же училищах. 1870–1880 гг. 24 л.; Ф. 1276 (Фонд Совета Министров). Оп. 3 Д. 841: О восстановлении преподавания на русском языке в Техническом железнодорожном училище Общества Варшавско-Венской ж. д. 1907–1908. 94 л.; Оп. 26 Д. 24: О распространении русского языка в делопроизводство финляндских учреждений. 1905–1917. 10 л. и др.

³ См., напр.: Тимофеев А.А. Строительство железных дорог в России в конце XIX – начале XX века как фактор модернизации // *Вестник ЮУрГУ*. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. №. 9 (226). С. 61–64; Волков И.В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития Русского Туркестана // *Пространство и Время*. 2013. № 3(13). С. 92–98.

⁴ Так, явно недостаточным был темп роста городов – к концу XIX в. горожане составляли 15%, а в 1917 г. – лишь 18%, значительную часть которых считать горожанами можно было лишь условно, поскольку 2/3 поселений, которые по административному статусу относились к городам, по своей экономической структуре были фактически полусельскими поселениями, причем недавние крестьяне, сохраняющие социально-экономическую связь с деревней, составляли значительную часть даже крупных индустриальных центров (см.: Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003). Об ограниченности динамики индустриального развития Российской империи см. также: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003; Ханин Г.И. Дореволюционная российская экономика на фоне мировой экономики (1861–1917) // *Альтернативы*. 2013. № 4. С. 76–95.

⁵ См.: Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009. С. 195–197.

скрепляющих связей и формирования им противодействующих, как правило, стереотипных образований. В материальном плане это обеспечивается поддержкой мощных по большей части транснациональных структур, которым открываются значительные преференции. В социокультурном плане – отмежевание от бывшего единого культурного пространства и противопоставление ему собственного проще всего и чаще всего конструируемого на националистических идеях. Действие центробежных сил проявляется, прежде всего, в области языковой политики и нравственности. Лукавые рассуждения о вреде двуязычия, об ущербности той или иной системы письменности, конструирование фальшивых традиций и фальсифицированной истории выступают здесь действенными инструментами. Новейшая история стран Восточной Европы и некоторых бывших советских республик повторяет этот сценарий едва ли не под копирку: перелицовывание откровенного воровства и грабежа в респектабельное и даже креативное предпринимательство, возведение в культ потребительского образа жизни, и, самое главное, резкое и огульное очернение советского периода истории. Это барьеры, линии и стены разделения культурного пространства.

Разрыв с Украиной – едва ли не самое болезненное проявление этого процесса. Болезненное потому, что неожиданное, потому, что это разрыв кровнородственных и исторических связей, как удар топором по живому телу. И здесь тоже все начинается с языка, литературы и учебника. Весь постсоветский период процесс отчуждения постоянно нарастал, он не был подспудным, он наблюдался глазом, невооруженным социологическим инструментом. Он даже вызывал некоторое противодействие, но весьма слабое и спорадическое, поскольку полагали его досадным следствием политических и экономических турбулентностей. И никто не предполагал возможности его перерастания в культурный, тем более враждебный, разрыв. Но, как говорил известный мыслитель, крот истории роет глубоко. И близорукость, и благодушие в конце концов проваливаются в его выработки. С Украиной это случилось в 2014 году.

Спусковым механизмом послужил внешний факт приостановки в общем-то понятного и даже естественного стремление к европейскому сотрудничеству, к интеграции. Движение в этом направлении было не чуждо и России. Здесь не было принципиального противоречия с интенциями Украины, и при известных условиях оно могло осуществляться как совместное, разве что гетерохронно и со структурными различиями. И вопрос о Крыме время от времени бы обострялся, но не препятствовал бы этому общему процессу сближения и сотрудничества с Евросоюзом¹.

Разумеется, этот относительно спокойный процесс взорвали геополитические и глобализационные обстоятельства, но не они являются предметом нашего интереса. Крым, особенно с послевоенных времен, после депортации больших этнических контингентов, представлял собой территориальное образование с преимущественно русским населением, в значительной массе приехавшим сюда из центральных областей России². Естественно, что политика украинизации здесь вызывала не то, чтобы отторжение, но воспринималась без особого энтузиазма, а надежды на социальную стабильность связывались, прежде всего, с Россией. Возвращение крымских татар внесло серьезный диссонанс в политическую и социокультурную обстановку на полуострове, поскольку появилась большая и весьма активная социальная группа, способная стать серьезным политическим инструментом в борьбе интересов, тем более, что она в силу исторических обстоятельств занимала в едином культурном пространстве довольно обособленное место³. Исключительно важно стало за кем она пойдет, чьи интересы соединит со своими и какие средства их достижения изберет. Орудие было заряженным, стоило лишь поднести фитиль.

События на материковой Украине тоже не содействовали созерцательному спокойствию русского Крыма. Его конституционная автономия фактически не признавалась, а угроза прибытия десанта националистически настроенных и радикальных «украинизаторов» стала более чем реальной и для сохранения автономии культурной. Перспектива открывалась довольно узкого раstra – интеграция в национально идеологизированный тоталитаризм под девизом «Украина превыше всего» и маргинальная идентификация части населения с российской национальной культурой, связь с которой целенаправленно и планомерно бы разрушалась специально возводимыми препятствиями.

Если в территориальном плане барьерами служат границы, особенно при их преобразовании в государственные с соответствующим техническим оборудованием, то границы культурного пространства устанавливаются информационными средствами, главная цель которых состоит в максимальном затруднении и ограничении информационного контента чужой, «враждебной» культуры⁴. Это дает возможность, так сказать, «расчистить площадку» для строительства собственной, новой и столь необходимой для политической практики.

Итак, каковы главные линии разлома единого для России и Украины культурного пространства?

Во-первых, это размежевание наций как государственно-гражданских образований, служащее юридическим основанием для проведения культурных границ. Во-вторых, противопоставление имеющих единый исток славянских языков с подчеркнутой презрительностью по отношению к русскому. В-третьих, ревизия многовекового общего культурного наследия с целью очистить его от внешней и враждебной для «свидомого украинства» русской «оккупационной» культуры. В-четвертых, резкая и радикальная перестройка официальной системы ценностных ориентаций, наиболее четко выраженной в календаре государственных праздников, в синодике национальных героев, в отношении к традиционным и новообразованным религиозным организациям, в политических и национальных союзнических преференциях, В-пятых, коренная ломка системы образования, исключая обращение к русской культуре. В-шестых, и это в социокультурном плане занимает центральное место, тотальное изменение общественного сознания, призванное сформировать новый образ врага, который во все времена имеет одну важнейшую и специфическую характеристику – он или не совсем человек, или совсем не человек, и потому по отношению к нему не применимы принципы гуманизма и нравственности⁵. Нетруд-

¹ Сараф М.Я. Национальное культурное пространство России и Украины. Единство и противоположности // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Труды II международной научно-практической конференции. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 274–276.

² Сеитова Э.И. Послевоенный Крым: административно-территориальное устройство и демография // Пространство и Время 2014. № 2(16). С. 181–188.

³ Ищенко Э.С. Купола на фоне минаретов: Крым православный и мусульманский // Там же. С. 154–158.

⁴ Буянов Е.Э. Культура как фактор национальной безопасности // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: Материалы Всерос. науч. конф. 4 дек. 2009 г. М.: Научный эксперт, 2010. С. 371–377.

⁵ Лата В.Ф., Лата Т.В. Вызовы национальной безопасности России внешнего мира и исходящие из стран бывшего СССР // Там же. С. 424.

но видеть громадную разницу между бытовавшим на Украине добродушно-снисходительным отношением к «кацапу» (то есть человеку из России) и нынешним злобным – к «москаляке», которому есть одно достойное место – на гиляке (то есть на виселице). И этот ядовитый националистский стереотип настойчиво вбивается в детские головы.

Однако столь спешно возводимое специфическое украинское национальное культурное пространство само не обладает целостностью. В настоящее время оно не имеет единого центра культурной гравитации, во всяком случае, роль Киева в этом отношении сильно ослабела, а регионы не обладают достаточными концентративными возможностями. Соответственно резко снизилась связность культурного пространства, поскольку ценности и идеалы, закладываемые в его основу, разделяются и признаются далеко не всеми гражданами страны¹. Конечно, будучи навязываемы мощными средствами государственного давления, среди которых первое место занимают средства массовой информации, они сильно воздействуют на общественное мнение, общественное поведение и управляют ими. А жесткие и даже жестокие меры принуждения на какое-то время способны подавить протестные или оппозиционные движения. Но культурообразующие факторы западных, центральных и юго-восточных регионов Украины не совпадают до взаимоисключения, будь то позиции мировоззренческо-идеологического, социально-политического, или ментально-го планов. К тому же резко ослаблены исторические системные связи.

Крым стал единственным регионом Украины, который принял необходимые и своевременные меры для сохранения своей культурной идентификации как части национального культурного пространства России. Решительность этого шага была даже несколько ошеломительной, как по едва ли не единодушной поддержке населения (известные 97 процентов голосов на референдуме), так и по скорости исполнения. Та, вызывающее возмущение недругов России и небольшой части умствующих отечественных «общечеловеков», интеграция части со своим органическим целым, процесс совершенно естественный, если его не политизировать до экзальтации, тем более, что был осуществлен в полном соответствии с конституционным правом Украины и Крыма и в соответствии с международным правом. При этом важно отметить, что он осуществился без противопоставленности, тем более конфронтационной, украинской культуре, ее языку и ее исторической самобытности.

Культурное пространство Крыма весьма сложно по своей структурной организации, оно в определенной мере отягощено историческими несправедливостями и дело здесь касается отнюдь не только крымскотатарской части населения². Оно требует внимательной настройки и, можно сказать, юстировки. Но самое существенное состоит в том, что сам факт столь сильного стремления к интеграции говорит об имманентной расположенности региона к строительству культурной целостности. При этом, что важно заметить, здесь не обращаются к бесплодным схемам мультикультурализма, в которых Запад еще недавно видел панацею³.

Из этого, однако, вовсе не следует, что крымская часть единого национального культурного пространства России теперь совершенно вне опасности и ее ждут только благодные времена. Отнюдь нет, как любил говорить известный отечественный либерал. Значительные трудности в ее функционировании и развитии состоят в том, что она становится, по крайней мере, для одной стороны, «аннексированным», спорным пространством, ждущим реванша и подготавливающих его действий.

Эти действия, вероятнее всего, будут направлены по тем же линиям раскола, о которых говорилось выше: вызывать и наращивать отчужденность и враждебность между составляющими население полуострова этнонациональными и конфессиональными группами, затруднять возможности их культурного сотрудничества и препятствовать ему, подчеркнута артикулировать все трудности культурного строительства в Крымской республике с целью его дискредитации. Создавать условия и способствовать деятельности националистических и особенно проукраинских общественных организаций, оказывая им помощь в подготовке и проведении пропагандистской работы и вооружении их необходимыми информационными материалами и техникой. Учреждать различного рода спонсируемые неправительственные организации, образовательные центры, стажировки, семинары, гранты и общественные фонды для подготовки и поддержки деятельности проводников украинизации⁴.

Интенсивность и эффективность широкого комплекса таких действий, разумеется, будет зависеть от складывающихся конкретных условий ослабления или укрепления крымской экономики, от понижения или понижения уровня жизни крымчан, от меры их социального оптимизма, от характера развития сотрудничества стран Таможенного союза и Евразийского сотрудничества.

Но следует обратить особое внимание, что вопросы укрепления крымско-российского единого культурного пространства не могут быть предоставлены вниманию и попечению самих субъектов культуры и обеспечиваться только их активной самодеятельностью. Этот процесс, в силу его общенациональной значимости, становится объектом, требующим своей защиты со стороны органов Федеральной службы безопасности. Одна из первостепенных задач в этом плане является формирование профессиональной компетентности ее сотрудников в вопросах культуры и закономерностей ее развития, профессионально необходимое для понимания и определения угроз национальной безопасности. Это фактически новое направление специализации⁵. Другая и актуальная задача встает перед пограничными органами: воспрепятствовать проникновению на российскую территорию лиц, групп – проводников и агентов распространения идей и методов культурной деструкции, а также разнообразных носителей информации, направленной на такие цели. Особую ценность приобретает накопленный пограничными органами опыт формирования патриотического сознания приграничного населения посредством укрепления разнообразных форм помощи и сотрудничества, участия в общественной жизни, воспитательной и образовательной работы с молодежью⁶.

¹ О возможности здесь не только качественной, но и количественной оценки см.: Сараф М.Я. Измерение культурного пространства // *Пространство и Время*. 2013 № 1(15). С. 58–69.

² Ищенко Э.С. Указ. соч.

³ *Культурная динамика России. Ресурсы, преемственность, перспективы*. М.: Издательский дом МГУКИ, 2011. С. 70.

⁴ Петров В.К. Стратегия национальной безопасности России до 2020 года критический анализ // *Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: Материалы Всерос. науч. конф.* 4 дек. 2009 г. М.: Научный эксперт, 2010. С. 301–315.

⁵ Буянов Е.Э. Указ. соч.

⁶ *Диалог культур и проблемы обеспечения национальной безопасности России*. М.: Пограничная академия ФСБ России,

Укрепление безопасности национального культурного пространства предполагает не только средства его защиты, но и всемерное повышение его творческой активности, продуктивности, его имиджевой привлекательности. Многообразие форм российского культурного пространства, их взаимосвязь и взаимоподдержка, толерантность к различным типам культуры, открытость к сотрудничеству с ними – это наступательный потенциал, который необходимо поддерживать и наращивать.

Само географическое положение Крыма, его природные условия, открытость и доброжелательность населения создают непревзойденные предпосылки для решения таких задач. Развитие Крыма как одного из мировых центров туризма, фестивалей искусств, научного сотрудничества могут и должны стать главными перспективами развития его как регионального центра общенационального культурного пространства. Конечно, для достижения этих целей предстоит пройти нелегкий путь преодоления препятствий непризнания, дискриминационных санкций, недоброжелательства, но будущее Крыма, как будущее России – трудно, но исторически оптимистично¹. При всей напряженности современных российско-украинских отношений можно не сомневаться, что рано или поздно деструктивные факторы в них будут преодолены, а культурное сотрудничество, жизненно необходимое для обеих сторон, воплотится в новых формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 2. Д. 57. 65 л.; Оп. 9. Д. 27. 84 л.
2. РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 8. 24 л.
3. РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 841. 94 л.; Оп. 26 Д. 24. 10 л.
4. Андришина Е.В. Геополитические сценарии развития России в среднесрочной перспективе // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение: материалы Всероссийской научной конференции (19 марта 2010 г., Москва). М.: Научный эксперт, 2010. С. 159–169.
5. Буянов Е.Э. Культура как фактор национальной безопасности // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: Материалы Всерос. науч. конф. (4 дек. 2009 г.) М.: Научный эксперт, 2010. С. 371–377.
6. Волков И.В. Железнодорожные коммуникации как фактор развития Русского Туркестана // Пространство и Время. 2013. № 3(13). С. 92–98.
7. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
8. Гуляев Д.Ю. Межкультурные коммуникации в профессиональной деятельности сотрудника пограничных органов: сущность, содержание, развитие: социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... к.филос.н. М., 2010.
9. Диалог культур и проблемы обеспечения национальной безопасности России. М.: Пограничная академия ФСБ России, 2007.
10. Ищенко Э.С. Купола на фоне минаретов: Крым православный и мусульманский // Пространство и Время. 2014. № 2(16). С. 154–158.
11. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2007.
12. Культурная динамика России. Ресурсы, преемственность, перспективы. М.: Издательский дом МГУКИ, 2011.
13. Лата В.Ф., Лата Т.В. Вызовы национальной безопасности России внешнего мира и исходящие из стран бывшего СССР // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: Материалы Всерос. науч. конф. 4 дек. 2009 г. М.: Научный эксперт, 2010. С. 424–433.
14. Петров В.К. Стратегия национальной безопасности России до 2020 года: критический анализ // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: Материалы Всерос. науч. конф. 4 дек. 2009 г. М.: Научный эксперт, 2010. С. 301–315.
15. Сараф М.Я. Измерение культурного пространства // Пространство и Время. 2013 № 1(15). С. 58–69.
16. Сараф М.Я. Национальное культурное пространство России и Украины. Единство и противоположности // Перспективы скоординированного социально-экономического развития России и Украины в общеевропейском контексте. Труды II международной научно-практической конференции. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 274–276.
17. Сеитова Э.И. Послевоенный Крым: административно-территориальное устройство и демография // Пространство и Время 2014. № 2(16). С. 181–188.
18. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003.
19. Тимофеев А.А. Строительство железных дорог в России в конце XIX – начале XX века как фактор модернизации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 9 (226). С. 61–64.
20. Ханин Г.И. Дореволюционная российская экономика на фоне мировой экономики (1861–1917) // Альтернативы. 2013. № 4. С. 76–95.
21. Чельшев Е.П. А как не наше слово отзовется? // Пространство и Время. 2011. № 4(6). С. 134–137.
22. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2009. С. 195–197.
23. Biersack J, O'Lear S. "The Geopolitics of Russia's Annexation of Crimea: Narratives, Identity, Silences, and Energy." *Eurasian Geography and Economics* 55.3 (2015): 247–269.
24. Charap S., Darden K. "Russia and Ukraine." *Survival* 56.2 (2014): 7–14.
25. Laruelle M. "Russia as a "Divided Nation," from Compatriots to Crimea: A Contribution to the Discussion on Nationalism and Foreign Policy." *Problems of Post-Communism* 62.2 (2015): 88–97.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Сараф, М. Я. Крым: уроки сохранения национального культурного пространства / М.Я. Сараф // Пространство и Время. — 2015. — № 1—2(19—20). — С. 257—261. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st1_2-19_20.2015.81.

2007; Гуляев Д.Ю. Межкультурные коммуникации в профессиональной деятельности сотрудника пограничных органов: сущность, содержание, развитие: социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... к.филос.н. М., 2010.

¹ Андришина Е.В. Геополитические сценарии развития России в среднесрочной перспективе // Россия в мире: гуманитарное, политическое и экономическое измерение: материалы Всерос. науч. конф. (19 марта 2010 г., Москва). М.: Научный эксперт, 2010. С. 159.